

ИЗМЕНЕНИЯ СТЕЙКХОЛДЕРСКИХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

Акулов-Муратов Владислав Викторович,
*к.н.держ.упр., докторант Национальной академии
государственного управления при Президенте Украины*

Основное изменение в экономической сфере, после произошедших глобализационных процессов, сегодня выражается в скачкообразном увеличении масштабов и темпов перемещения капиталов в поисках наилучших условий для их накопления.

Это привело к тому, что:

не только страны и регионы, но и отдельные города теперь конкурируют за новые инвестиции;

рост международной торговли опережает рост ВВП во всех странах;

выпуск стандартизированной и унифицированной продукции производится международной сетью производств с быстро изменяемыми объёмами;

появился мировой финансовый рынок, работающий быстро и круглосуточно;

а финансовая сфера стала самодовлеющей силой, которая определяет возможности развития других сфер человеческой деятельности.

Надутые ею спекулятивные «мыльные пузыри» породили финансовый, а затем и глобальный экономический кризис. При этом, за счёт развития средств телекоммуникации, решения о финансовых операциях в большинстве своём принимаются рефлексивно. А мировые финансовые рынки стали неподвластны национальной юрисдикции, что породило рост транснациональных корпораций. Внедрение же новых технологий резко расширило рынки труда и изменило их структуру. А это привело к массовой иммиграции в развитые страны мира и изменению их этнического состава, породив внутреннее социальное напряжение.

Одновременно произошла миграция производства и новых форм организации экономики из Европы и США в регионы с традиционным укладом жизни. Что породило ускоренную индустриализацию Восточной Азии и «анклавную модернизацию» во

многих странах «третьего мира». А это, в свою очередь, вызвало уже у них рост социальной напряжённости.

Результатом таких событий стало мировое перераспределение доходов в пользу постиндустриальных государств промышленно развитого Севера, своего рода глобальным налогом на мировую экономическую деятельность.

Однако глобализация, как её пытались провести ангlosаксы, не удалась – универсальная мир-экономика ещё не создана. Но контуры её специализированных сегментов (объединённых культурно-историческими кодами, стилем хозяйственной деятельности, общими социально-экономическими факторами и стратегическим целеполаганием) уже обозначены. Формируется мировая система «экономического плюрализма» с тремя региональными центрами: Северная и Южная Америка под эгидой США, Европа под эгидой ЕС, Юго-Восточная Азия под эгидой Японии (но с возможной заменой на Китай). Такая система «регион-экономик» стала антитезой идеям «мир-экономики» Ф. Броделя и И. Валлерстайна.

Система международных отношений также изменилась под влиянием глобализации. Произошло:

1. Изменение состава участников мирового политического процесса, т. е.

а) резко возросло число национальных государств;

б) появилось множество влиятельных негосударственных акторов (международных межправительственных и неправительственных организаций, транснациональных корпораций, которые поставили под контроль существенную часть ресурсов национальных государств);

в) увеличилось количество, и усилились международные взаимосвязи, располагающие теперь акторов международных отношений на различных уровнях – субгосударственном, государственном и надгосударственном, а также делящие эти уровни на сектора – общественный, частный и негосударственный.

2. Изменение целей национальных государств, т. е.

а) исчезает разделение между сферами внутренней и внешней политики государства, а внешняя политика становится мерилom его экономического развития;

б) расширяются сферы человеческой деятельности, каждая из которых стремится выйти за пределы контроля государства;

в) ключевой проблемой международных отношений становится растущая взаимозависимость влияния государства на государство, а не прямое применение силы.

3. Преобразование содержания понятия силы, т. е.

а) произошла её диффузия – утратилась автоматическая связь между силой и военной мощью, и появилось понятие «мягкой силы» (softpower, введённое Джозефом Наем), означающее наличие «комплекса привлекательности», которым обладает страна независимо от имеющегося у неё материального потенциала;

б) при сохранении силовых отношений между государствами манипуляция с помощью взаимозависимости становится стратегическим средством воздействия;

в) в условиях роста взаимозависимости традиционная конкурентная логика конфликта с нулевой суммой будет заменяться на стейкхолдерские стратегии солидарности и сотрудничества, т. к. негативные последствия даже при глокализации универсальны – касаются всех, только в разной степени.

4. Создание новых иерархических структур на международной арене, т. е.

а) преобразования в природе международных сил разрушили единство международной иерархии, основанное на военной или военно-политической силе – появились «ограничители» такой силы, затрудняющие её использование государствами для достижения своих целей;

б) сложились функциональные иерархии, в каждой из которых нельзя главенствовать постоянно.

5. Преобразование международной системы в целом, т. е.

а) после объединения международных отношений в единую систему под эгидой ООН, под воздействием глобализации ожидается укрепление взаимодействий между нациями, ведущих к взаимосвязанности и образованию структур глобальной управляемости миром для интеграции всех его частей в единую экономическую систему на основе участия всех её субъектов в процессах управления нею.

б) главным содержанием мировой политики становится переход от Вестфальской системы индивидуальных государств к системе, управляемой наднациональными и транснациональными институтами (такими, как ВТО, МВФ, Всемирный банк, G7 и др.), регулируемыми отношениями между государствами.

Это потребует пересмотра основных элементов внешнеполитических традиций, а также национальных политических систем. Но остаётся неясным:

а) адекватен ли этот процесс перехода по масштабу и имеющимся ресурсам потребностям, возникающим в ходе развёртывания глобализации;

б) могут ли появляющиеся международные институты компенсировать дефицит управляемости в границах национальных государств и в отношениях между ними;

в) осуществимы ли в принципе эти глобальные общественно-политические практики.

Убедительных ответов на эти вопросы пока нет.

В общем, на смену бунту бедных, которому национальные государства научились эффективно противостоять, пришли бунт богатых и бунт капитала, противостоять которым можно только с помощью новой политической архитектуры мирового рынка, которой ещё нет. Трёх используемых механизмов государственного управления – англосаксонского либерализма, социального протекционизма шведской социал-демократии и ренановской модели нации – недостаточно для ответа на эти вызовы. А ведь они брошены традиционному государству не только глобализацией рынков и транснациональными силами, такими, как финансовые объединения, мультинациональные компании, крупные церкви и организованная преступность. Национальное государство ослабляется наднациональными институтами и тенденциями к регионализму, сепаратизму и местничеству. Его экономика образует россыпи городов-государств и государств-регионов, которые взаимодействуют напрямую в рамках панрегионов или даже глобальной экономической системы, пытаясь минимизировать государственное вмешательство, противоречащее их интересам. Т. е. наблюдается процесс перехода мира из более-менее системного состояния в состояние детерминированного хаоса. Это сильно повлияло на процесс мышления населения Земли, которое под таким давлением стало клиповым, а значит, утратило столь необходимые ему свойства критичности и системности.

То, что сейчас происходит с Украиной – это первая попытка заполучить под полный контроль крупное европейское государство со стороны наднациональных финансовых структур, в т. ч. и криминального толка. Поводом к этому явилось распространение

среди населения земли (в т. ч. и украинцев) чувства глубокой фрустрации, связанного с глобальными переменами в их жизни, сулящими неустойчивое будущее. Такое изменение общественного сознания – это проблемы низкого ВВП на душу населения. Т. е. проблемы элит, убеждённых в своём исключительном превосходстве над народом и проводящих свои социально-экономические эксперименты за его счёт.

Ответом на это стало затребованность ним, в виде лидеров, популистов-демагогов, яркими представителями которых можно назвать В. Путина, Д. Трампа, С. Берлускони. Они даже не скрывают, что лгут потому, что аудитория хочет это услышать (особенно обещания, что за всё будет платить кто-то другой). Появление таких фигур в любом социуме есть показатель завершения процесса упадка доверия к институтам государства и его представителям, породившего недовольство существующим *status quo* в отношениях народа с его политической элитой, подорвавшей доверие к себе через упорное нежелание изучать и понимать источники фрустрации в обществе. В результате постепенно профессиональные политики вытесняются телевизионными персоналиями, высказывающими крайне примитивные и часто агрессивные идеи. Сейчас даже в США лидеры обеих политических партий вынуждены отбиваться от подозрений со стороны избирателей в элитаризме.

Это в принципе похоже на ситуацию в Украине с почти религиозной верой её населения, что всё нужно менять немедленно и кардинально. Жители обеих стран, каждый в своей мере, развращены и одурманены популистами, по вине которых уровень фрустрации в обществе постепенно приближается к опасному пределу. И жизнеспособность любого современного либерального общества зависит от его способности создать механизмы, управляющие уровнем фрустрации. Отмахиваться от её проявлений на том основании, что они исходят от невежественных и ограниченных людей очень опасно, т. к. именно этот их тип в последние десятилетия наиболее активен и последователен в своей борьбе против происходящих в мире перемен. Именно этот тип людей фрустрация ведёт от свержения ненавистных тиранов до избрания обожаемых фюреров. Но настоящие решения серьёзных государственных проблем появляются только в результате продуманной и кропотливой совместной работы исполнительной, судебной и законодательной ветвей власти, которые реально

разделены и независимы. Примером можно поставить те же США, куда в последние годы тихо и спокойно, после долгих лет отсутствия, стало возвращаться индустриальное производство. Без такой, организованной до мелочей работы общественных и государственных структур любая революция превращается в катастрофу для населения.

На Донбассе, несмотря на серьёзные экономические и политические последствия, стороны военного конфликта игнорируют поводы для фрустрации друг друга и неспособны осознать точку зрения оппонента, чтобы начать конструктивный диалог: они не знают, как установить контакт друг с другом – их мучает страх и ненависть. Значит, конца этому противостоянию не будет. Майдан, Крым, Донбасс – это детища фрустрации. А это – не рациональное ощущение. Ей необходим выход. И рано или поздно она его всегда находит.

Надо дать всем сторонам конфликта возможность установить линии коммуникации различных уровней, чтобы построить доверительную сферу национального диалога. Может быть, ничего общего найдено не будет и все стороны военного конфликта разойдутся своими путями. Но тогда между ними больше не будет фрустрации и отложенной агрессии, а значит, будет надежда на долгий мир. Поэтому, чтобы понять основные причины фрустрации восточных украинцев на Донбассе, нужно изучить среду и историю её возникновения.

В целом можно выделить следующие характеристики изменений структуры стейкхолдерских отношений на субгосударственном, государственном и надгосударственном уровнях в современном мире:

1) рост экономического потенциала негосударственных акторов (на которых уже приходится 70 % мировой торговли и 80 % иностранных инвестиций, но на их производствах занято только 3 % мировой рабочей силы);

2) увеличение потребности в независимой реализации экономических возможностей негосударственных акторов в международной среде;

3) постепенное вытеснение негосударственными акторами государств с позиций главных и системообразующих элементов системы международных стейкхолдерских отношений;

4) размывание границ между внутренней и внешней политикой государств;

5) экономизация политики и закрепление фактического неравенства государств, как акторов международных стейкхолдерских отношений;

6) создание законодательной базы неолиберальной глобализации посредством диктата геэкономической (точнее геофинансовой) властью своих правил игры;

7) появление нового поколения элитарных международных регулирующих органов;

8) усиление роли консенсусных форм принятия решений, учитывающих вес и влияние стейкхолдеров, участвующих в голосовании по различным проблемам;

9) превращение традиционной дипломатии в один из многих каналов международного общения и механизмов урегулирования спорных проблем;

10) изменение принципа невмешательства во внутренние дела суверенных государств (не только из-за положения с правами человека, но и наличия возможных террористических угроз от какого либо актора внешнему миру);

11) становление в мире идеологии конкуренции;

12) нарастание разрыва в благосостоянии между государствами;

13) концентрация усилий всех субъектов экономической деятельности на обладании новейшими технологиями и дешёвой, но квалифицированной и гибкой рабочей силой.

Таким образом, как заметил Кеничи Омаэ, получив наибольшее развитие в экономической сфере, глобализация в начале XXI ст. вышла за её рамки, и, вскрыв несоответствие между мировыми экономическими процессами и мировой общественно-политической организацией, стала активно перестраивать всю мировую структуру стейкхолдерских отношений, породив массу наблюдаемых сейчас различных кризисов (например, дефицит демократии) и противоречий:

между общечеловеческими интересами во взаимозависимом и безопасном мире, и сохранением региональных, национальных и этнических особенностей;

между глобализацией и связанной с ней унификацией, и стремлением к идентичности, и самоопределению малых народов, социальных общностей и отдельных личностей;

между экономической глобализацией и необходимостью сохранения, и защиты среды обитания человека;

между гражданским порядком, сохраняющимся внутри государств, и и ни чем не ограниченным конкурентным состоянием, царящим в рамках международных отношений;

между глобальным развитием, как универсальной целью, и национальной культурой, как ценностным выбором;

между процессом глобализации и национальными государствами.

Однако глобализация действует только, как мультипликатор мировых неравенств и их стимулятор, но не генератор этих феноменов в контексте всемирного процесса перераспределения богатства, власти и возможностей. На самом деле мы имеем кризис в эволюции человечества и кризис глобализационных механизмов и структур, как необходимых компонентов данной эволюции.